

Ильнур Байменов

**Хранители
колодца. Книга 3.
Эхо пустых
пространств**

Ильнур Байменов

**Хранители колодца. Книга
3. Эхо пустых пространств**

«Автор»

2026

Байменов И.

Хранители колодца. Книга 3. Эхо пустых пространств /
И. Байменов — «Автор», 2026

Тишина, запертая в глухом урочище Городище, нашла способ вырваться на свободу. Спустя недели после страшного спуска Арсений, Надя и Роман понимают, что совершили роковую ошибку. Спасая пленников из четвертого колодца, они принесли частицы бездны прямо в живой, звучащий мир. Теперь аномалия пускает ментальные корни сквозь бетонные фундаменты, линии метро и коммуникации мегаполиса, постепенно погружая целые районы в абсолютный, ледяной вакуум. Звуки исчезают, а человеческая воля тает на глазах. Чтобы заколотить последний затвор и спасти город от полного стирания, Арсению придется задействовать собственную внутреннюю тьму и принять бой на крыше небоскреба. Финал культовой мистической трилогии «Хранители колодца». Колодцы затихнут раз и навсегда.

© Байменов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ильнур Байменов

Хранители колодца. Книга

3. Эхо пустых пространств

Глава

Пролог. Белый шум Карандаш со стуком покатился по лакированному столу, пересек край и бесшумно упал на ковер. Дежурный врач приемного покоя городской психиатрической больницы Игорь Сергеевич даже не поднял головы. Глаза жгло от бессонной смены, а в висках монотонно стучала тупая, изматывающая боль. Настенные часы над дверью показывали без четверти три ночи. Их мерное, привычное тиканье всегда действовало на Игоря успокаивающе, но сегодня этот звук почему-то казался избыточным, слишком громким, будто кто-то выкрутил регулятор частот в его собственной голове. Он взглянул через толстое стекло смотрового бокса 4. Там, на краю жесткой кушетки, сидел их новый пациент — молодой мужчина по имени Михаил. Его привезли три часа назад прямо с центральной набережной. Патрульные нашли его стоящим у кромки воды в одном больничном свитере, несмотря на пронизывающий ноябрьский ветер. Михаил не сопротивлялся, не кричал, не проявлял агрессии. Он просто молчал. Но это молчание было настолько плотным, что санитары, оформлявшие его в приемном покое, инстинктивно переговаривались шепотом, словно боялись потревожить что-то невидимое. Игорь Сергеевич вздохнул, открыл медицинскую карту и вывел на чистом бланке: «Пациент М. На внешние раздражители не реагирует. Зрачки расширены, реакция на свет вялая. Наблюдается полная моторная заторможенность». Внезапно в коридоре за спиной врача что-то изменилось. Это не было звуком. Напротив, это было мгновенным, хирургическим исчезновением всех фоновых шумов. Перестал гудеть старый компрессор холодильника в углу ординаторской. Стих отдаленный, приглушенный стенами гул ночного проспекта за окном. Даже люминесцентная лампа под потолком, секунду назад раздражающе трещавшая, теперь горела в абсолютном, противоестественном беззвучии. Игорь Сергеевич замер с ручкой в руке. Он попытался сделать вдох, но воздух показался ему слишком густым, холодным, пахнущим мокрой осыпавшейся землей и старым камнем. Врач сглотнул, но не услышал привычного внутреннего щелчка в ушах. Он снова посмотрел в стекло бокса. Михаил больше не сидел на кушетке. Он стоял вплотную к стеклу со стороны бокса. Его лицо находилось в нескольких сантиметрах от прозрачной перегородки. Кожа пациента казалась мертвенно-бледной, почти прозрачной под светом ламп, а губы были плотно сжаты. Но самым страшным было то, что Михаил смотрел не на Игоря. Его пустые, лишенные всякого выражения глаза были направлены куда-то сквозь него, словно он прислушивался к звуку, который доктор был не в состоянии уловить. Игорь Сергеевич поднялся со стула. Подсознательный, животный страх сковал мышцы спины. Попустительством Творца человеку иногда дано столкнуться с тем, что лежит за гранью понимания, и сейчас эта грань истончилась до предела. Врач открыл рот, чтобы позвать дежурного санитаря, но из его горла не вылетело ни единого звука. Голосовые связки вибрировали, но воздух вокруг него оставался мертвым. Пространство превратилось в вакуум. В этот момент Михаил внутри бокса медленно поднял руку и прижал ладонь к стеклу. Пальцы его были покрыты тонкой, едва заметной изморозью. Он открыл рот, и из его груди, минуя стекло и стены, прямо в сознание Игоря Сергеевича хлынул оглушительный, разрывающий барабанные перепонки звук. Это был белый шум. Шипение сотен пустых частот, сквозь которое едва различимо, на грани восприятия, пробивался далекий, утробный гул падающей в глубокий колодец воды. Игорь Сергеевич упал на колени, зажимая уши руками, но это не помо-

гало — шум шел изнутри его собственной головы. Когда через минуту звук так же внезапно оборвался, а лампы в коридоре вспыхнули в полную силу, бокс 4 был пуст. Дверь оставалась запертой на три замка, но Михаила внутри не было. На ледяном стекле остался лишь влажный, быстро тающий отпечаток ладони и один-единственный сухой, пожелтевший лист, прилипший к прозрачной поверхности. Тишина вышла за пределы Городища. Она начала собирать тех, кого отпустила три недели назад.

Глава 1. Истончение

Звонок раздался в тот момент, когда Арсений пытался нащупать пульс на собственном запястье. Последние три дня его не покидало странное ощущение, будто его тело теряет плотность. Сердце билось ровно, но удары казались глухими, словно их записывали на старую магнитную ленту.

Экран смартфона, лежащего на кухонном столе, вспыхнул. Имя «Надя» на дисплее заставило его внутренне подобраться. Они не созванивались с момента возвращения из Городища — каждый из них пытался сделать вид, что трех недель в объятиях Тишины никогда не существовало.

— Арс, включи громкую связь, Роман тоже на линии, — голос Нади в динамике дрожал от едва сдерживаемой истерики. — Михаил исчез.

— Как исчез? — Арсений сел на стул, чувствуя, как ладони мгновенно стали холодными. — Из квартиры? Его же караулили родственники.

— Хуже, — в разговор вклинился сухой, надтреснутый голос Романа. На заднем плане у него слышался какой-то странный, непрекращающийся шорох. — Его три часа назад забрала скорая прямо с набережной. В невменяемом состоянии. Привезли в психиатрическую лечебницу, заперли в смотровом боксе. Минут сорок назад он испарился из закрытой комнаты. Врач, который его оформлял, сейчас в глубоком шоке, не может связать двух слов. Твердит про какой-то шум.

— Это еще не всё, — перебила Надя. Было слышно, как она судорожно выдохнула. — Я только что проверила Анну. Я приехала к ее дому десять минут назад. Дверь в квартиру была приоткрыта. Внутри никого. Но в комнатах... Арс, там физически тяжело дышать. Там абсолютная, гробовая тишина. Я стою у окна, внизу проезжает пожарная машина с сиреной, а я вижу только огни. Звука нет. Вообще нет.

Арсений посмотрел на окно своей кухни. За стеклом шумел вечерний город: гудели автомобили, шуршали шины по мокрому асфальту, где-то вдалеке лаяла собака. Но этот шум теперь казался ему тонкой, непрочной ширмой, которую кто-то натянул поверх огромной, голодной бездны. Попустительством Творца барьер, удерживающий аномалию в границах заброшенного урочища, рухнул. Освободив троих пленников в конце второй книги, они совершили роковую ошибку — они принесли частицы колодца в свои карманах прямо в живой, звучащий мир.

— Где третья? — спросил Арсений, поднимаясь со стула и уже накидывая на плечи куртку. — Девушка без имени. Кто-нибудь знает, где она?

— Ее никто не видел с момента нашего выезда из Городища, — отозвался Роман. — Она ведь так и не назвала себя. Просто пересела на автовокзал в другой автобус и уехала. Если с ней произошло то же самое, то по всей стране сейчас открываются новые точки затухания. Колодцы не закроются сами, Арс. Ты ведь сам говорил это там, у четвертого колодца. Они ждут.

Арсений замер у двери, сжимая в руке ключи от машины. В его голове отчетливо всплыл финал их прошлого спуска. Его встреча с собственной «тенью» — той частью себя, которая была готова сдаться, сломаться и навсегда остаться в глухой, безболезненной пустоте под землей. Он тогда сделал выбор: жить с болью, страхом и сомнениями, но жить. Он интегрировал эту тень, забрал ее с собой. И теперь эта внутренняя тьма глухо ворочалась в груди, указывая точное направление.

— Нам нужно вернуться, — твердо сказал Арсений.

— В Городище? — в голосе Нади послышался неподдельный страх. — Опять? Арс, мы едва выбрались оттуда живыми. Роман до сих пор спит только со включенным радио!

— Если мы не поедem туда сейчас, возвращаться будет некуда, — отрезал Арсений. — Аномалия расширяется через них. Анна и Михаил не просто сбежали — их утянуло обратно. Колодец притягивает то, что принадлежит ему по праву своего существования в этом мире. Роман, сколько времени займет дорога, если выехать прямо сейчас?

— Часа четыре, если не пойдет снег, — быстро ответил краевед. — Машина заправлена. Снаряжение в багажнике я так и не выгружал. Словно знал, что этот звонок раздастся.

— Встречаемся через двадцать минут у выезда на трассу, — скомандовал Арсений и отключил вызов.

Он вышел в подъезд. Шаги по бетонным ступеням отзывались привычным эхом, но Арсению казалось, что это эхо запаздывает. Будто пространство вокруг него уже начало прогибаться, готовясь к встрече с чем-то колоссальным.

Через двадцать минут тяжелый внедорожник Романа уже разрезал фарами густую ночную темноту, уходя на восток, в сторону заброшенного Городища. На переднем сиденье молча сжалась Надя, неотрывно глядя на навигатор. Роман крепко держал руль, его глаза впивались в серую ленту асфальта.

Арсений сидел сзади. Он закрыл глаза и попытался прислушаться к гулу мотора. Звук был. Но где-то глубоко внутри, на самой периферии сознания, сквозь монотонный рокот дизеля, начинал пробиваться едва уловимый, знакомый шёпот сотен голосов. Они не звали его по имени. Они просто ждали, когда он совершит свой главный, финальный спуск.

Глава 2. Граница затухания

Стрелка спидометра подбиралась к сотне, но казалось, что внедорожник стоит на месте. Фары выхватывали из плотной ночной темени бесконечные, изломанные стволы глухого природного леса. Деревья стояли плотно, сплетаясь ветвями над асфальтом, словно пытались сомкнуть своды над идущей машиной.

В салоне пахло остывшим кофе и старой кожей. Надя сидела, подтянув колени к груди, и не отрывала взгляда от экрана телефона.

— Две палочки, — тихо произнесла она. Ее голос прозвучал неестественно глухо, словно из глубокой бочки. — Сигнал падает. До поворота на Городище еще километров сорок, а сеть уже почти не ловит. Такого раньше не было. Роман, помнишь? В прошлый раз связь исчезла только у самого урочища.

— Помню, — коротко бросил Роман. Его пальцы побелели, так сильно он сжимал руль. — Пространство деформируется. Аномалия разрастается, как чернильное пятно на промокашке. По воле Создателя всё в этом мире стремится к равновесию, но то, что выходит из колодцев, пытается установить свое собственное равновесие. Мёртвое. Беззвучное.

Арсений с заднего сиденья наблюдал, как за окном пролетают километровые столбы. С каждым часом пути внутри него нарастало странное давление. Его «тень», принятая и запертая внутри собственного разума три недели назад, вела себя беспокойно. Она не причиняла боли, но отзывалась легким, покалывающим холодом в затылке каждый раз, когда машина преодолеvala очередной холм. Она точно знала: они движутся в правильном направлении.

Внезапно дизельный двигатель внедорожника издал странный, захлебывающийся звук. Машина дернулась. Обороты начали стремительно падать, хотя Роман до упора выжал педаль газа.

— Что за черт... — пробормотал краевед, щелкая тумблерами на панели. — Электроника в порядке. Датчики чистые. Топливо есть. Она просто не тянет.

Звук мотора начал блекнуть. Это не было похоже на поломку, когда металл скрежещет или стучит. Дизель работал, но его рокот становился всё тише, тоньше, пока окончательно не

превратился в едва различимый, шелковистый шелест. Внедорожник по инерции проехал еще сотню метров и остановился прямо посреди пустынного шоссе.

Шумы исчезли. Наступила тишина.

Роман выключил зажигание и снова повернул ключ. Стартер крутился, но это происходило в абсолютном беззвучии. Визуально приборы показывали, что вал вращается, но барабанные перепонки героев не улавливали ни единой вибрации.

— Приехали, — снаружи донесся голос Арсения. Вернее, он не донесся — Арсений увидел, как открылся его собственный рот, а звук сформировался прямо в сознании спутников, минуя воздушное пространство. Воздух между ними потерял способность проводить акустические волны.

Они вышли из машины. На улице было морозно. Ноябрьский воздух обжигал легкие, но в нем не было свежести — только тяжелый, застойный запах подвала, сырой глины и старого, трухлявого дерева. Земля под ногами казалась твердой, как бетон, а палая листва на обочине не шуршала под подошвами тяжелых ботинок. Она ломалась с беззвучным, призрачным хрустом.

Роман подошел к капоту, открыл его и осветил ручным фонариком на блок двигателя. Луч света казался тусклым, будто его просеивали через слой серой пыли.

— Связи нет. Навигатор замер на одной точке, — Надя показала экран смартфона, на котором светился пустой серый квадрат. — Мы на границе. Дальше идти только пешком.

— Сколько осталось? — спросил Арсений.

— Около семи километров по старой просеке, — Роман закрыл капот. Звук удара металла о металл не состоялся. Лишь легкая вибрация передалась по кузову машины. — Если Городище расширило свои границы, мы упремся в центральный колодец гораздо раньше. Главное — не потерять нить. Арс, ты уверен, что сможешь контролировать то, что внутри тебя?

Арсений прикоснулся к груди. Там, под плотной тканью куртки, сердце совершало свои глухие толчки. Внутренняя тьма молчала, но это было выжидающее, хищное молчание.

— У меня нет выбора, — ответил Арсений. — Анна и Михаил уже там. Если безымянная девушка тоже вернулась в урочище, они втроем активируют центральный колодец. Четвертый. Тот, который мы нашли в прошлый раз. Мы думали, что спасли их, но мы лишь ослабили затворы. Они были узлами, сдерживающими бездну. Теперь бездна зовет их обратно, чтобы окончательно занять это место.

Они закинули на плечи рюкзаки со снаряжением. У Романа за спиной были закреплены прочные альпинистские веревки и карабины, Надя несла мощные прожекторы и запасные аккумуляторы. Каждый из них понимал: эти инструменты — лишь иллюзия контроля. В мире, где затахают физические законы, железо и свинец мало чем могут помочь.

Они свернули с асфальта на едва заметную лесную просеку. Шаги троих людей сливались в единое, беззвучное движение. Тьма вокруг них сгущалась, становясь осязаемой, почти жидкой. Воздух вокруг фонарей подмигивал и дрожал.

Через два километра пути Надя резко остановилась и схватила Арсения за рукав. Ее лицо перекосило от ужаса. Она указывала пальцем вперед, туда, где просека расширялась, выходя на старую границу Городища.

Посреди дороги, прямо на сером мху, лежал большой, плоский валун, которого здесь никогда не было. На его неровной поверхности корявыми, глубокими бороздами было выбито свежее предупреждение. Буквы не были покрыты мхом, из них еще сыпалась каменная крошка.

Арсений подошел ближе и направил луч фонаря на надпись. Текст читался отчетливо, заставляя кровь застыть в жилах:

«Тот, кто ищет правду, должен заплатить за неё светом».

Надпись обрывалась. А прямо за камнем просека круто уходила вниз, переходя в старый деревянный настил, ведущий к темнеющему впереди силуэту четвертого, центрального колодца. Действие Книги 2 схлопнулось с настоящим моментом. Круг замкнулся.

Глава 4. Частота излома

Металлическая платформа под ногами Арсения содрогнулась с тяжелым, вибрирующим гулом, который отозвался не в ушах, а где-то в районе солнечного сплетения. Ледяной диск, паривший посреди бездонного вакуума, внезапно накренился влево, и подошвы тяжелых ботинок скользнули по гладкой, зеркальной поверхности, оставляя на изморози грязные, быстро исчезающие следы. Из глубин черной воронки, не сдерживаемый и не зажатый тесными каменными стенами колодца, поднялся мощный поток сухого, ледящего воздуха. Он ударил в лицо, заставив глаза слезиться, а кожу мгновенно стянуло от неестественного, иссушающего холода. Арсений почувствовал, как этот мороз пробивает плотную штормовку, въедается под термобелье и превращает пальцы в неслушающиеся, заиндевшие обрубки.

Шипение белого шума, вырывавшееся из открытого рта безымянной девушки, нарастало с каждой секундой, превращаясь в сплошную стену ментальной энтропии. Этот звук не нуждался в воздухе для распространения — он рождался непосредственно внутри черепной коробки Арсения, вытесняя из мыслей остатки логики, стирая имена, лица и саму волю к какому-либо сопротивлению. Это была частота абсолютного отказа от бытия. Частота, на которой стирались человеческие судьбы, превращаясь в ровный, серый цифровой мусор. Арсений упал на одно колено, судорожно пытаясь удержать равновесие на скользком металле, и резко выбросил руку вперед. Его пальцы в плотной брезентовой перчатке намертво, до хруста в суставах, вцепились в обледеневший, жесткий воротник куртки Анны. Женщина оставалась абсолютно неподвижной, пугающе тяжелой, будто ее тело за эти три недели под землей превратилось в сплошной чугунный монолит, вросший в основание платформы.

— Анна, вставай! — выкрикнул Арсений, но его собственная гортань выдала лишь глухой, беззвучный толчок. Воздух вокруг парящего диска был мертв, он больше не подчинялся законам акустики. Голос просто умер на губах, не оставив после себя даже малейшего эха.

В этот момент Михаил, сидевший по правую руку от Анны, тоже начал медленно разворачивать голову в сторону Арсения. Движения его шеи были неестественными, деревянными, сопровождавшимися отчетливым звуком, похожим на треск разрываемой замерзшей на морозе ткани. Когда его лицо наконец оказалось в луче налобного фонаря, Арсений едва удержался от того, чтобы не отпрянуть. Глаза Михаила были абсолютно белыми, лишёнными зрачков и радужки. Это были два блеклых, подернутых ледяной коркой озера, в которых тускло отражался диодный свет. Михаил открыл рот, и из его груди вырвался точно такой же поток белого шума, сливаясь с трансляцией безымянной девушки.

Звуковое давление внутри сознания Арсения удвоилось. Вспыхнула резкая, ослепляющая боль, будто прямо между полушариями мозга с размаху вогнали раскаленный стальной клин. Его собственная «тень», которую он так бережно интегрировал и запер внутри себя во второй книге, отреагировала на этот раздражитель мгновенно. Она заворочалась в глубине его сущности, подняла голову и начала требовать своего. Она шептала ему, что борьба бессмысленна, что нужно просто отпустить воротник Анны, разжать пальцы и позволить себе соскользнуть с этой платформы вниз, в бескрайнюю, теплую, безболезненную пустоту. Тишина не пыталась сломать его тело. Попустительством Создателя она предлагала ему самый страшный, самый соблазнительный компромисс: навсегда замолчать, избавиться от груза вины, от страха перед будущим, от вечных сомнений, которые терзали его каждый день там, наверху, в шумном и жестоком мире людей.

«Тот, кто ищет правду, должен заплатить за неё светом».

Древние слова, выбитые на камне у жерла колодца, теперь обрели свою финальную, безжалостную точность. Свет, о котором говорило предупреждение, не был лучом ручного фонарика или прожектора. Это был свет человеческого разума. Та самая искра сознания и свободной воли, которую Творец вложил в человека, отличая его от камня, дерева или мертвой воды. Это место, эта древняя дренажная система Городища, аккумулировала в себе человеческий

отказ от борьбы. Она забирала свет у тех, кто ломался под тяжестью земной жизни и добровольно выбирал не-бытие. Эти трое — Анна, Михаил и безымянная девушка — не были заперты здесь злой силой. Они сами отказались возвращаться в реальность в конце второй книги, оставив свои души на дне, и теперь колодец просто использовал их полые оболочки как ретрансляторы, чтобы вывернуть пустоту наизнанку и затопить ею макромир.

Платформа накренилась еще сильнее, угол наклона уже составлял градусов тридцать. Запасной ручной фонарь, который Арсений держал во второй руке, выскользнул из окоченевших пальцев. Он покатился по ледяному диску, бешено вращаясь, сорвался с края и полетел вниз, в бездну. Его желтый луч еще несколько секунд беспомощно высвечивал уходящую во все стороны паутину тонких, натянутых нитей, которые вибрировали от нарастающего напряжения, пока окончательно не растворился в кромешной тьме.

Наверху, на глубине двенадцати метров над парящей платформой, страховочный канат натянулся до звенящего, опасного предела.

Надя держала веревку обеими руками, обмотав ее вокруг предплечья. Она стояла у самого края деревянного сруба четвертого колодца, упираясь ногами в склизкий, покрытый ином настил. На ее ладонях, даже сквозь плотные брезентовые рукавицы, уже проступала темная кровь — канат буквально въедался в кожу, дергаясь с бешеной, неестественной частотой. От веревки исходил глухой, призрачный гул, похожий на стон натянутой струны на старом сломанном пианино.

— Роман! Помогай! Умоляю, помогай, его утягивает туда! — Надя пыталась кричать во весь голос, но ледяной воздух Городища мгновенно сушил горло, превращая крик в свистящий, прерывистый шепот. Пространство вокруг колодца на поверхности стремительно менялось. Трава в радиусе десяти метров покрылась серым, колючим налетом, а бревна старого сруба начали трещать от внезапного, аномального мороза.

— Держу! Я держу! — Роман вцепился в канат позади нее, перекидывая петлю через плечо и наваливаясь всем весом своего грузного тела назад. Его лицо потемнело от прилипшей крови и напряжения, вены на лбу вздулись. — Арс не подает сигналов. Он не дергает веревку три раза, Надя! Он просто висит там. Или... или там, на глубине, его что-то держит. Что-то очень тяжелое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.